

Моя библиотека

Ведущая рубрики Екатерина Гоголева

«Страсть собирательства мне чужда ...»

О домашних библиотеках рассказывают по-разному. Кому-то интересно вспоминать истории появления книжек, кто-то разделяет книги по тематике или жанрам. У одного на первом месте редкость издания, у другого – оформление. Писатель, сценарист, телеведущий Евгений Валерьевич Сулес рассказывает о любимых книгах, необычных артефактах и подарках.

Страсть собирательства, пожалуй, мне чужда. Накопление любых вещей, даже таких лишь наполовину материальных, как книги, не свойственно.

Моя библиотека далеко не так обширна, как могла бы быть. И совсем лишена четкой структуры. Не собиралась как коллекция. Всегда имела первостепенное значение – не собирать, но читать. Появлялись книги и авторы, которых хотелось прочесть, иногда с полной уверенностью (логически плохо объяснимой), что прочтение жизненно необходимо. Любимые книги и авторы оставались. С кем не возникало близости – отдавались в хорошие руки или перевозились на дачу. То есть на моих книжных полках можно увидеть очень субъективный набор, сумбурный и разрозненный, но довольно точно, как чистое зеркало, отражающий интересы хозяина.

Часть книг перешла по наследству, досталась от кого-то. Есть те, что были подобраны у мусорных баков. Особая статья – подаренные книги. Тогда вместе с книгой, ее образом, возникает еще и история человека, который ее подарил.

Среди любимых книг... С чего же, с кого же начать?.. В. В. Розанов, «Уединенное». Здесь не только «Уединенное», но и оба короба «Опавших листьев», «Смертное», «Апокалипсис нашего времени», статьи. Книга сильно истрепана. Я брал ее с собой на дежурства, когда в конце 1990-х работал сторожем на стройке. Да, было и такое. И как же хорошо делалось внутри от многочасового чтения в плохо отапливаемой – одной самопальной электроплиткой – сторожке. Она была чуть ли не из фанерных листов, сидел я в ней, напялив ворох одежд, как баба на чайнике, и казалось, особенно ночью, что весь мир поглотила тьма, и есть только свет моей сторожевой будки, моей последней заставы, и эти строчки на белых листах.

Как-то покойный М. М. Рощин сказал мне, что было время, когда он учился писать у Жюль Ренара. После этих слов «Дневник» Ренара появился у меня на полке. То же могу сказать о Розанове. Именно из него «растут» ноги моего сборника «Фрагменты».

Двухтомник А. Ремизова (ТЕРРА, 1993). То, что он творил с языком, поражало и вдохновляло, воспринималось сродни чуду. Разные издания Набокова, особенно любимые «Камера обскура» и «Другие берега». Книги Борхеса. Было время, когда я просто упивался его хитросплетениями. А вместе с ним и другими южноамериканскими магическими реалистами: Маркес, Кортасар, Биой Касарес. Но Борхес

был на непререкаемом первом месте. И никогда не воспринимался мной, как интеллектуальный писатель. Во всяком случае, это не было главным. Прежде всего проза Борхеса – неизбывная красота и тайна. Именно за это я его всегда любил. И люблю до сих пор, хотя общий пыл к магическому реализму со временем поугас.

Не одними магическими реалистами жив читатель!.. На самых удобных местах, только руку протяни... Незабвенный Венечка Ерофеев, прижизненное издание бессмертной поэмы. «Митьковский» трехтомник С. Довлатова с рисунками А. Флоренского. И американский «аналог»: Ч. Буковски и Г. Миллер, стилизованный под эротические книги и альбомы 1920–30-х годов. Прекрасно изданный «Театральный роман» с рисунками актера МХАТа Б. Ливанова. Книга А. М. Володина, где кроме пьес и киносценариев – нежнейшие «Записки нетрезвого человека» и стихи. Дневники Евг. Шварца «Живу беспокойно». «Неожиданный» Зоценко: «Возвращенная молодость», «Голубая книга», «Перед восходом солнца».

Одной из любимых книг стал случайно приобретенный в Музее Востока томик стихов Джалала ад-дина Руми в переводе Л. Тираспольского «Сокровища воспоминания» (М., 1998). Привлек подзаголовок «Суфийская поэзия». Тонкая синяя книга с золотыми буквами радует глаз, когда прохожу мимо полка. Часто начинаю ее читать с любого места. И оживает внутри волна, возникшая прошлой ночью во дворе, спрятанном в центре моей груди.

Собраний сочинений немного, в основном русская классика.

Среди советских артефактов – сборник военных речей Сталина: «О Великой отечественной войне Советского Союза» (Военное издательство МВС СССР, 1948). Портрет вождя – цветная, вклеенная (!) издателями на титульный лист открытка. И – «Карманный словарь атеиста» (Политиздат, 1979) с дивной аннотацией: «...рассчитан на пропагандистов, лекторов, беседчиков, организаторов атеистической

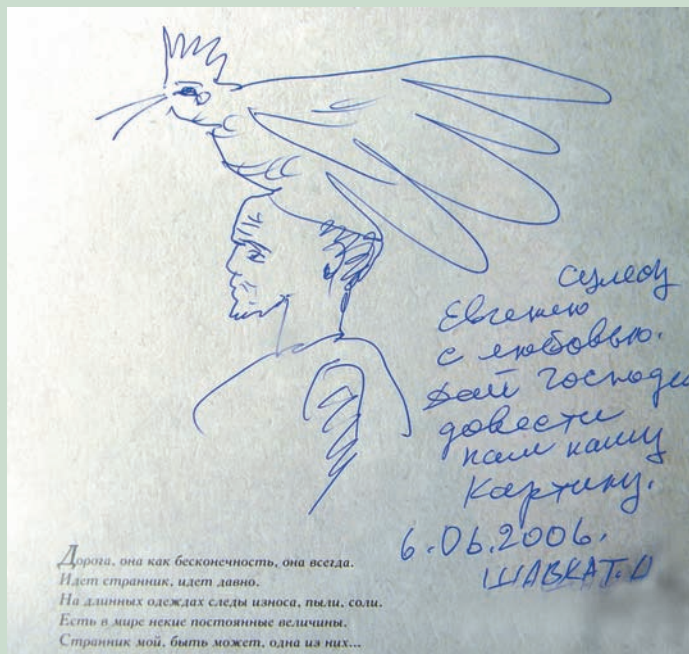
работы. Он включает в себя наиболее употребительные термины и понятия, с которыми могут сталкиваться атеисты в практике воспитательной работы». Для жаждущих веры молодых людей 1970-х годов этот словарь был неоценимым подарком.

Особая гордость и еще один привет из советских времен – репринтное издание трехтомника П. Флоренского «Столп и утверждение истины», выпущенное в Англии в 1970-м (оригинал: М., 1914). Эти три тома, в матерчатом переплете, присутствуют в одном из кадров фильма Шавката Абдусаламова «Сукровица». И если уж речь зашла о мудром художнике Шавкате, то самое место и время перейти к книгам с автографами.

Моя гордость – альбом «Пространство ШАВКАТА» (ГМИИ им. А. С. Пушкина, 2005) не просто с дарственной надписью, но и с авторским рисунком: человек с птицей на голове. Еще из книг с автографами: пятитомник М. М. Рощина, вышедший перед смертью мастера – такой был ему подарок судьбы, довольно неожиданный (2006); книга Л. Костюкова «Великая страна. Мэгги.» (2009); книга моего учителя, большого умницы, киноведа Н. А. Изволова «Феномен кино» (2001) и книги моих друзей – поэта Евг. Никитина «Невидимая линза» (2009) и Славы Харченко «Соломон, колдун, охранник Свинухов, молоко, баба Лена и др. Длинное название книги коротких рассказов» (2011).

Среди не совсем обычных и запомнившихся подарков – книга М. Бадхена «Еврейская чертовщина» (2007) с любопытной припиской от руки: «Книга куплена на цдаку семьи Лохвицких». Подарил мне ее некий Федор, занимавшийся частным извозом, человек, надо сказать, непростой судьбы. Лицом с бородой – вылитый Достоевский. За свои сорок с небольшим успел побывать милиционером, бандитом, затем чуть не был рукоположен в диаконы в Ярославской епархии. На момент нашего знакомства был ревностным хасидом. Что сейчас с ним, куда занесла его широкая русско-еврейская душа, увы, не знаю, но вспоминаю его всякий раз, когда на глаза попадает подаренная им книга.

Довольно много книг о кино. Книги о любимых режиссерах (а также их собственные): Чаплин, Тарковский, Феллини, Бергман, Уэллс, Висконти, Антониони, Параджанов, Эйзенштейн. Особенно дорога книга Ф. Трюффо «Кинематограф по Хичкоку» (1996). Ее подарили нам, студентам экспериментальной киношколы «Фабрика кино», на первом занятии. Люблю книгу (и всю эту серию издательства «Радуга») «Трюффо о Трюффо» (1987), где собраны его статьи, интервью, сценарии. Трюффо удивительным обра-

зом, и работая в «Кайе дю синема», и став прославленным режиссером, оставался в первую очередь человеком, страстно влюбленным в кино. Он смог не потерять в себе того мальчика, который дневал и ночевал в парижской синематеке. Пожалуй, два главных синефила среди режиссеров всех времен и народов – это он и Мартин Скорсезе. Хороша и любима мной книга В. Шкловского о «глыбе» мирового кинематографа С. М. Эйзенштейне (М., Искусство, 1973). Покупал ее в одном из «Букинистов», которых когда-то была тьма по всей Москве, и тетушка продавец важно, со знанием дела сказала: «Да, Шкловский хорошо пишет». Вообще «Букинисты», их особый мир, атмосфера, царившая там, продавцы в них – отдельный разговор, тема для эссе, сюжет для рассказа. Книги там просто хотелось покупать. Я очень любил «Букинист» в Столешниковом переулке. Сейчас на его месте модный бутик.

Есть еще хорошая подборка книг по любимому напитку – виски. Здесь классика жанра: Джим Мюррей, Майкл Джексон, Чарльз Маклин. Виски не просто любимый напиток, я знаю его профессионально. Бывал в Шотландии. Провожу дегустации «воды жизни» в Москве, езжу по России, пишу статьи.

Из общего ряда книг выделяется для меня книга писем архимандрита Иоанна (Крестьянкина) (2009). Больше простоты и мудрости, не отвлеченных философских измышлений, а простой житейской мудрости, жизненно необходимой, спасающей в «житейском море», я, пожалуй, не встречал.

Если обратиться к истокам, к «библиотеке памяти», то «Три повести о Малыше и Карлсоне» была первой из самостоятельно прочитанных толстых книг. До сих пор помню ее синюю обложку, белые-белые гладкие страницы, рисунки. То, что перевод – Лилианы Лунгиной, узнал гораздо позже, тогда меня это не интересовало. Восьмитомник сэра А. Конан Дойля, имя автора красным на черном, первое прочитанное целиком собрание сочинений. «Всадник без головы», романы Верна, Купера... Я помню, с чего и как все начиналось. Но вот где большинство этих книг сейчас?..

А недавно в моей библиотеке появилась моя собственная книга – «Сто грамм мечты» (Книжный Клуб Книговек, 2012). И это ни с чем не сравнимое чувство: видеть на полке, среди любимых книг и авторов, свою первую книгу...

Фото из архива Е. В. Сулеса